

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПО СТАТИСТИКЕ

ТОМ
VI

СТАТИСТИЧЕСКИЕ
ЗАКОНОМЕРНОСТИ

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ
К XXXII СЕССИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО
СТАТИСТИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, ФИЛОСОФСКИХ И ПРАВОВЫХ НАУК

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПО СТАТИСТИКЕ

ТОМ VI

СТАТИСТИЧЕСКИЕ
ЗАКОНОМЕРНОСТИ

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ
к XXXII
СЕССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
СТАТИСТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1961

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик В. С. НЕМЧИНОВ

I
СТАТИСТИЧЕСКИЕ
ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Б. М. КЕДРОВ

КАТЕГОРИИ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СТАТИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В этой статье рассматриваются три круга вопросов: во-первых, вопрос о социальной статистической науке и о так называемой универсальной статистике — с точки зрения соотношения общего и специфического; во-вторых, вопрос о раскрытии статистической закономерности через изучение массовых случайных явлений и о ее связи с динамической закономерностью — с точки зрения соотношения необходимости и случайности; в-третьих, вопрос о специальном, в частности социально-экономическом, анализе как необходимой предпосылке применения статистических приемов исследования — с точки зрения соотношения качества и количества.

Не будучи экономистом, автор не может касаться специальных вопросов общественной статистики и вынужден ограничиться общими вопросами философского характера.

1. О СООТНОШЕНИИ ОБЩЕГО И СПЕЦИФИЧЕСКОГО В СТАТИСТИКЕ

Совершенно очевидно, что статистический метод нельзя рассматривать как некий абстрактный, всеобщий прием, который *одинаковым* образом можно прилагать к любым статистическим совокупностям самого различного характера — будь то газовые молекулы, бросания монет, листья на дереве или же сложнейшие социальные отношения. Такое представление правильно критикуется, как неверное, не имеющее ничего общего с марксизмом. Говорить так — значит рассматривать статистический метод метафизически, в полном отрыве от изучаемого объекта; это было бы равносильно тому, как если бы форма рассматривалась в отрыве от содержания, словно речь идет о том, чтобы прилагать внешним образом некую, раз навсегда разработанную мерку, которая относится безразлично к самому материалу.

Это касается не только статистического метода исследования, но и более широкого — диалектического метода, поскольку иногда пытаются рассматривать диалектику как всеобщую «отмычку», которая годится одинаковым образом для изучения самых различных явлений, независимо якобы от их качественной специфики. Утверждают, например, что кипение воды есть скачок и атомный взрыв есть скачок; видообразование есть скачок и социальная революция есть тоже скачок. Общей формулой о «скачке», которая сама по себе, в отрыве от конкретного содержания, представляет собой пустой звук, некоторые философы думают оперировать

и этим доказывать приложимость метода диалектики ко всем конкретным областям исследования. Конечно, перечисленные примеры — это примеры скачков, но ведь привести примеры еще не значит исследовать данный предмет или данный закон.

С таким пониманием метода исследования, даже такого широкого метода, как диалектический, согласиться нельзя, потому что каждый вопрос надо исследовать конкретно; следовательно, и общий метод исследования надо прилагать *конкретно*, т. е. надо брать его в единстве с тем конкретным объектом, который в данном случае изучается, в единстве со своеобразием этого объекта, с его специфическими закономерностями, с его качественной особенностью, вне которой невозможно абстрактно представить приложение какого бы то ни было общего метода, будь то более узкий — статистический метод или более широкий — диалектический метод исследования.

Ведь имеется глубокое различие между одним случаем, когда в пирометре Курнакова физико-химик регистрирует *температурный* скачок, и другим случаем, когда историк констатирует *революционный* переворот в развитии общества. Скачок скачку оказывается настолько рознь, что слово «скачок» в данном случае вряд ли чему-нибудь поможет, если мы откажемся от конкретного исследования данного процесса, протекающего в данной области объективного мира, и будем рассматривать его абстрактно, словно он протекает где-то в безвоздушном пространстве, как некий скачок «вообще».

Абстрактный подход к общему в отрыве от специфического — особенного и отдельного — не есть диалектический подход, а есть формальный или, лучше сказать, формально-логический подход. Это касается и статистики, которая опирается, подобно всем наукам в СССР, на марксистский диалектический метод.

Известно положение марксизма, что *истина всегда конкретна, абстрактной истины нет*. В применении к методу исследования это положение означает, что в науке нет метода вообще, а всегда есть *конкретный* метод *конкретного* исследования, в котором воплощен и отражен общий метод, ибо этот общий метод не существует вне и независимо от того или иного конкретного метода исследования. Иначе он, этот общий метод, превратился бы в пустую общую фразу.

Нередко задают вопрос: существует ли *статистика вообще* как единая универсальная наука? Такая постановка вопроса совершенно абстрактна, а потому толкает на неправильный ответ. Ставя вопрос, существует ли какая-то *абстрактная статистика*, которая абстрактно изучает общие законы статистических совокупностей вообще, мы тем самым допускаем отрыв общего от особенного, от специфического: получается так, будто сначала открывают в «чистом» виде некоторые общие законы, а затем их применяют одинаковым способом к любым качественно различным совокупностям. Такая постановка вопроса приводит к неправильным выводам. В. И. Ленин в работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» отметил, что приемы исследования необходимо определять и видоизменять применительно к различным формам процессов. Следовательно, статистика, даже взятая применительно к какой-либо одной отрасли — например, сельскохозяйственная статистика, должна изменять свои методы, свои формы в зависимости от характера изучаемого явления, хотя бы эти явления касались одного и того же объекта, а именно социально-экономических отношений, существующих в современном обществе, и даже в одной узкой отрасли этих отношений — в сельском хозяйстве капиталистических стран.

Отсюда следует, что при переходе к изучению других областей того же объекта необходимо существенно видоизменять методы исследования и самоё постановку вопроса; при переходе от общественных наук к наукам о природе методы исследования, его приемы и задачи изменяются еще более глубоким, можно сказать *коренным*, образом.

С этих позиций ответим на два вопроса. Во-первых, существует ли единая, общая (универсальная) статистика, которая якобы распространяется и на природу и в равной степени на общественные явления? — Ответ: такой универсальной статистики нет, и существует в качестве *особой* науки общественная статистика. Во-вторых, всякая ли статистика есть общественная наука, так что никаких других статистик, кроме общественной, вообще не существует? — Ответ: нет, кроме нее, есть еще и другие статистики, например физическая. Другими словами, существует не только *одна* статистика, т. е. не только та, которая является *общественной* наукой.

Если исходная предпосылка у тех, кто защищает идею, что есть только одна статистика и что она есть общественная наука, правильна, то даваемое ими решение, вместе с их аргументацией и выводами, совершенно неправильно. Вопрос надо ставить иначе и не сводить его к спору о том, существует или нет «единственная» статистика. Этот вопрос надо ставить так, как он поставлен всем ходом развития самой науки. Лишь при правильной постановке вопроса можно получить на него правильный ответ; к сожалению, это условие выполняется далеко не всегда.

При постановке такого рода вопросов исходным пунктом обычно является правильная мысль, что общественную статистику нельзя считать приложением какой-то абстрактной статистики вообще, какого-то общего статистического метода к общественным явлениям. Предпосылка, таким образом, правильна. Но отсюда делают неоправданный логический вывод, будто статистика существует только в *одной единственной* форме, — в форме *общественной* науки, т. е. в ее применении лишь к общественным явлениям, а во всех остальных случаях ее нет и быть не может как статистики *другого* круга явлений. Спрашивается: какие логические основания имеются для того, чтобы делать такой вывод? Никто, однако, не привел ни одного серьезного довода, ни одного убедительного доказательства в защиту этого тезиса. Для научного же доказательства нужна серьезная, научная аргументация; такой аргументации нет у тех, кто защищает мысль о том, будто существует только одна статистика, которая есть общественная наука.

Попробуем разобраться глубже в этом вопросе.

В борьбе против ложной идеи о существовании какой-то общей, абстрактной, универсальной статистики возникло вполне законное стремление конкретно показать, что *общее* в данном случае неразрывно связано со *специфическим*. Если нет абстрактной статистики вообще, которую надо сначала механически отделить от всех конкретных областей ее приложения, а затем однообразным способом применять где угодно, если, повторяем, такой статистики нет, то правильное решение задачи состоит в том, чтобы показать, какие конкретные формы принимает статистика в каждой конкретной области исследования в зависимости от характера изучаемого предмета. Короче говоря, надо конкретно показать в данном случае единство общего и отдельного, общего и специфического.

Но при этом нередко допускают серьезную ошибку; она состоит в том, что сразу же зачеркивается сама постановка вопроса о единстве общего и специфического, сама возможность его обсуждения, словно в этом зачеркивании и состоит его «решение». Из всех статистических закономерностей при этом заранее признается *только одна* закономерность статистического

характера, а именно только та, которая существует в общественной жизни. Это — не решение вопроса, а его зачеркивание. Но поскольку вопрос поставлен самой наукой, на него надо дать *научный* ответ, а не просто отделаться от него при помощи словесной лазейки — например, придумыванием такой терминологической формулировки, которая создавала бы видимость выхода из трудностей, не давая решения вопроса по существу и даже полностью обходя самый вопрос. А то, что ищут именно терминологической лазейки, можно легко показать.

Если всеобщее (статистическая закономерность) совпадает только с тем, как оно выступает в одной частной области исследования (в области общественных явлений), то значит всеобщего как всеобщего не существует, а есть только это частное. Но тогда нет и вопроса о соотношении всеобщего, особенного и единичного, т. е. нет вопроса о том, в чем состоит специфика проявления статистических законов, а значит и специфика применения статистических приемов при изучении общественных явлений *в отличие* от проявления и применения этих же законов при изучении явлений природы. Фактически защитники идеи единственной статистики рассуждают так: зачем ломать над этим голову, если можно найти быстрое, простое, «экономное» решение — отменить все статистики, кроме одной, и тем самым снять вопрос о специфике общественной статистики, ее отличии от статистики физической и всякой иной.

Так именно и поступили защитники тезиса, будто кроме собственно общественной статистики никакой другой статистики нет. Они стали на ту точку зрения, что социальная статистика, т. е. та статистика, которой занимается ЦСУ, есть единственная статистика, поэтому ее и надо называть «статистикой» или «общей статистикой», а не *социальной* статистикой; те, кто называет ее «статистикой» вообще, попросту отбрасывают прилагательное в названии «социальная статистика» и этим ограничиваются. Между тем специфическая характеристика *социальной* статистики имеет объективный смысл: здесь принят во внимание тот специфический объект, к исследованию которого она применяется. Поэтому предлагаемое «решение» ничем не лучше того, как если бы математики отбросили слово «математическая» у своей статистики и объявили математическую статистику статистикой вообще или как если бы физики заявили, что они разрабатывают статистику вообще, потому что их физическая статистика есть всеобщая и единственная статистическая наука. Очевидно, что все это ни в коем случае не является выходом из положения.

Конечно, это, как говорится, вполне «устраивает» общественно-экономических статистиков и некоторых других специалистов в области общественных наук, но это совершенно «не устраивает» все остальные отрасли знания. Их пришлось бы тогда лишить права применять статистические методы в своей области только потому, что работникам ЦСУ и некоторым другим работникам социально-экономической статистики трудно решить вопрос о специфике их статистики по существу и они предпочли попросту объявить упраздненными все статистики, за исключением одной общественной. Это методологически неправильный путь. Такой «выход» только запутывает вопрос; он не устраняет возникших неясностей, а оставляет их завуалированными, словесно замаскированными. В итоге, при любой конкретной ситуации неизбежно будут обнаруживаться новые и новые трудности, ибо никакого решения вопроса дано не было, а была допущена лишь словесная уводка от существа вопроса.

Необходимо отдавать себе ясный отчет в том, что на свете существует вовсе не одна лишь экономическая или одна лишь общественная статистика, а что своя статистика может быть и есть в любой области, где

имеются соответствующие материальные объекты, подчиняющиеся статистическим закономерностям. Конечно, при этом надо серьезно предостеречь против механического перенесения статистики из области физики, астрономии, биологии, медицины и т. д., где она качественно отлична от статистики общественных явлений, от экономической статистики, на изучение общественных явлений, как это получается у сторонников единой, «универсальной» статистики. Между тем тот, кто отрицает существование всякой иной статистики, кроме социально-экономической, снимает самый вопрос: опасаясь смешения общественной статистики с физической или иной, он попросту отрицает существование последних. Своей упрощенческой трактовкой он разоружает нас в борьбе против ложных концепций, но отнюдь не вооружает правильным пониманием существа дела.

Иногда указывают, что экономическая статистика была первой, которая возникла в истории науки. Это верно; но это отнюдь не доказывает, что, будучи исторически первой, общественная статистика осталась единственной в науке. Если мы вспомним, в частности, историю физической науки и всей материалистической науки о природе, результаты которой философски обобщены в трудах Ф. Энгельса и В. И. Ленина, мы обнаружим, что развитие статистики в области естествознания играло громадную роль, и не только чисто познавательную, теоретическую, но и практическую.

Вспомним споры вокруг идеалистической гипотезы тепловой смерти вселенной, которые начались еще в середине прошлого века. Материалистическое решение в его первом приближении было дано статистической механикой, особенно на раннем этапе ее развития. Больцман ввел статистическое толкование второго начала термодинамики, а в связи с ним — и понятия «энтропия», которое до тех пор казалось чем-то почти мистическим. Это дало возможность истолковать весь процесс развития природы материалистически. Позднее Гиббс развил метод статистических ансамблей, продолжая материалистическую линию Больцмана. Обычно вся эта статистика в физике носит название «классической», ибо она признает индивидуальность частиц, например молекул.

Следующий этап развития физической статистики связан с созданием современной физики, когда возникла квантовая статистика (статистика Бозе — Эйнштейна и Ферми — Дирака). Следовательно, в физике так же, как и в области экономической статистики, существуют свои подразделения: подобно тому как в экономическую статистику входят статистики сельскохозяйственная, промышленная и т. д., так и в физике существуют свои, так сказать, «отраслевые» статистики. Физическая статистика (или статистическая физика) широко применяется — но, конечно, в ее специфической форме — к различным физическим коллективам: к фотонному (световому) «газу», к электронному «газу» (с чем связаны многие специальные технические проблемы, касающиеся, например, электропроводности металлов) и т. д. Все эти физические проблемы требуют конкретного применения статистики. Отличие современной квантовой статистики от «классической» состоит, в частности, в том, что она не индивидуализирует частицы (кванты, электроны и т. д.), а «обезличивает» их, представляет их совершенно тождественными между собой. Уже одно это обстоятельство показывает, что нельзя приемы современной физической статистики механически распространять на общественные явления, где подобное «обезличивание» и полное отождествление элементов изучаемой совокупности немедленно привело бы к грубейшим ошибкам. Но из этого отнюдь не следует, что физической статистики не существует; если ее

приемы нельзя распространять механически на общественные явления, это еще отнюдь не означает, что никакой физической статистики нет и быть не может. Субъективизм такого «решения» вопроса очевиден: все, что не может быть использовано в общественной статистике, объявляется с этой точки зрения не наукой, не статистикой, хотя бы и примененной к другой области явлений объективного мира. Так можно легко прийти к выводу, что все то, чем я не могу воспользоваться или что мне непонятно, не есть наука.

Нет и не может быть двух мнений о том, что в физике существует *своя статистика*. Она безусловно есть, это — факт, и смешно закрывать на него глаза, прибегая к страусовой политике. Но *какая* это статистика? Конечно, *физическая*. Назовем ли мы или не назовем общественную статистику статистикой *вообще*, никакого реального значения это иметь не будет, ибо физика развивает и будет развивать *свою* статистику, и для физики это была и есть та статистика, которая соответствует объекту физического исследования.

В чем же выражается специфическая черта, или особенность, объекта физического статистического исследования? Можно сказать, что она выражается в чрезвычайной однородности элементов физического коллектива при их практически не ограниченном множестве. Возьмем, например, молекулу или, еще лучше, электрон либо фотон. Такой физический элемент относительно настолько прост, что его можно рассматривать абстрактно, полностью отвлекаясь от его индивидуальных особенностей. А так как таких элементов в физическом коллективе биллионы биллионов, то здесь могут последовательно применяться методы математической статистики. Именно однородность элементов в явлениях физики и их практически бесчисленное множество в любом физическом коллективе открывают возможность широко применять математику, в частности математическую статистику, и ее методы приобретают здесь очень большую научную силу и значение. В. И. Ленин отметил, что громадные успехи современной физики связаны с тем, что наше научное познание приближается к таким однородным и элементарным физическим объектам, которые позволяют применять методы математики.

Существуют ли такие крайне элементарные и вполне однородные объекты в общественных явлениях? Конечно, нет. Но определенные элементы (или стороны) однородности имеются и в общественных явлениях, иначе не было бы и не могло бы быть общественной статистики. Они проявляются в массовых явлениях, у которых имеется общая сторона, связанная со статистическим типом закономерности, действующей в данной области явлений; эту сторону или соотнесенные с нею признаки можно выделить абстрактно и положить в основу соответствующих расчетов, что позволит рассмотреть чрезвычайно сложный и разнородный комплекс индивидуальных процессов, событий, людей и т. д. только со стороны присущей им указанной общности и однородности. Так появляется возможность применять статистические методы к общественным явлениям, зная и учитывая определенные общие черты однородности у различных элементов социального коллектива.

Но это значит, что у общественной статистики, при всем ее коренном, качественном отличии от физической статистики, есть с этой последней нечто *общее*, и это общее вовсе не надо игнорировать. Наоборот, на него надо обратить пристальное внимание. Задача состоит не только в том, чтобы *обособлять* одну область явлений от другой, в частности общественные явления от природных — ибо нельзя смешивать две качественно различные области исследования, — но и в том, чтобы увидеть между

ними определенную *связь и общность*. Поэтому не следует впадать в крайность и односторонне отрицать какую бы то ни было связь между различными областями объективного мира, полагая, будто только таким путем можно избежать опасности подмены одной области другой.

Нельзя пытаться избежать опасность смешения общественных явлений с природными так, что при этом изгоняются многие общестатистические представления, несомненно имеющие значение и в области общественной статистики. Итогом всего этого становится неизбежный субъективизм: ведь если *общее* существует объективно, то только стоя на позициях субъективизма, можно это общее искусственно отбросить. Законы диалектики тоже имеют общий характер, и они действуют повсюду — и в природе, и в обществе, и в области мышления; однако никто не делает из этого вывод, будто тем самым открывается возможность для смешения общественных явлений с естественными.

Возьмем, например, понятие *взрыва*. Иногда утверждают, что в области общественных явлений специфическим видом «взрыва» является свержение государственной власти в антагонистическом обществе. Но взрывы существуют и в области природы. Поэтому имеется *одно и то же понятие*, но оно *по-разному применяется* к общественной жизни и к природе. Правда, бывают и курьезные случаи. Так, один философ долгое время утверждал, что, во избежание смешения природных явлений с общественными, следует признать, что взрывы могут происходить только в антагонистическом классовом обществе, когда свержается государственная власть; если же происходит взрыв динамита, то никакого взрыва нет, ибо никакая власть при этом не свержается. В такую же крайность впадают и некоторые сторонники общественной статистики. Стремясь во что бы то ни стало абсолютно оторвать общественную статистику от всех других статистик, они замалчивают и даже отрицают наличие некоторых общих черт у всех статистик, между тем как именно эти общие черты и должны быть исследованы и объяснены.

В печати капиталистических стран по поводу дискуссий, происходящих в советской науке, встречаются враждебные высказывания двоякого рода. Одни идейные противники марксизма негодуют на то, что ученые Советского Союза защищают марксизм и критикуют антимарксистские течения, другие выражают злорадство по поводу того, что под видом «защиты марксизма» у нас иногда попирают подлинно научные представления. Следовательно, перед нами палка о двух концах, и еще неизвестно, с каким ее концом мы имеем в данном случае дело.

Так, некоторые английские журналы подвергают критике взгляд (ошибочно выдаваемый за марксистский), согласно которому между общественной и физической статистиками нет ничего общего, никакой связи. Если не разобраться в этом факте глубже, то подобные критические высказывания можно истолковать так: поскольку наши идейные противники критикуют нас за отрицание связи между общественными и физическими явлениями, соответственно — между общественной и физической статистиками, постольку этот факт уже сам по себе якобы свидетельствует, что такое отрицание правильно и что оно соответствует подлинно марксистской точке зрения. Отсюда легко прийти к поспешному выводу, будто признание связи между общественными и физическими закономерностями есть тезис буржуазной науки, а отрицание такой связи — тезис марксистской науки. Однако в действительности дело обстоит, по-видимому, иначе. Приписывая марксизму несвойственное ему полное отрицание всякой связи между закономерностями общественных и закономерностями природных явлений, идейные противники марксизма в данном

случае злорадствуют по поводу тех методологических ошибок, которые допущены в некоторых советских работах, например в книге «Теория статистики», написанной коллективом работников ЦСУ СССР.

Кстати сказать, аналогичное положение создалось в оценке современной физики. Одно время некоторые наши философы-уникумы, выступавшие от имени марксизма, объявили теорию относительности плодом идеализма, присущего буржуазной науке, и заявили, будто эта теория несовместима с марксистской философией. На деле же эта теория по своему физическому содержанию не только не противоречит диалектическому материализму, но прямо его поддерживает. Тем не менее современные «физические» идеалисты и неопозитивисты, в частности один из их лидеров — Филипп Франк, приписали подобный нелепый взгляд всей советской науке, дабы легче было критиковать ее. Что получилось бы, если бы мы стали рассуждать по упомянутому способу: раз наши идейные противники критикуют нас за отрицание теории относительности, значит такое отрицание правильно и соответствует марксизму. В итоге получился бы только ущерб и для марксистской философии и для современной науки.

Следовательно, решение подобного рода вопросов состоит отнюдь не в том, чтобы поддакивать идейным противникам марксизма и соглашаться с обвинениями, которые они возводят на марксистскую философию, используя ошибки некоторых советских ученых, слабо знакомых с философией марксизма. Напротив, необходимо решительно отметать подобные ложные обвинения, необходимо показывать, что за марксизм в таких случаях выдается нечто нелепое, карикатурное, несовместимое с подлинным марксизмом, вроде отрицания теории относительности в физике или отрицания связи общественных и физических закономерностей в статистике.

Методологические, философские вопросы науки, имеющие принципиальное значение, нельзя решать при помощи терминологических приемов. Между тем так поступают иногда те, кто, критикуя ошибочную концепцию универсальной статистики, защищает тезис об отсутствии чего-либо существенно общего у физической и экономической статистики. С этой точки зрения единственная связь между той и другой статистикой усматривается только в терминологии, только в том, что здесь и там употребляется слово «статистика» и еще несколько одинаковых терминов. Например, можно встретить следующее рассуждение: статистика как общественная наука не имеет общих основ с теми отраслями естествознания, математики и техники, для наименования которых употребляют слово «статистика» или прилагательное «статистический»; между специально-экономической статистикой и статистической физикой, или, как ее иначе называют, физической статистикой нет, в сущности, ничего общего, кроме весьма немногих терминов.

Никакого анализа вопроса по существу в такого рода рассуждении нет, и весь вопрос сведен только к словам. Выходит, что, если бы физики догадались вместо слов «физическая статистика» употребить какие-то другие слова, между обеими статистиками вообще исчезла бы даже видимость какой-либо связи.

Такой подход принципиально неправилен. Дело здесь заключается отнюдь не в терминологии, не в употреблении тех или иных существительных или прилагательных, производных от слова «статистика» (например, «статистическая физика» или «физическая статистика»), а в том, что *у всех статистик, при всем их качественном различии, в действительности (а не на словах) имеются определенные общие черты*. Именно эти общие черты должны быть раскрыты и изучены, а не отрицаемы из сообра-

жений, что надо избежать смешения одних статистик с другими, поскольку есть люди, не умеющие правильно решать вопрос о соотношении закономерностей в различных областях явлений.

Такого рода вопрос возникает сейчас же, как только мы вступаем в области исследования, где общественные и естественные науки приходят в соприкосновение между собой. Рассмотрим, для примера, аналогичный вопрос, касающийся географии. Есть экономическая география и есть физическая география. А существует ли единая география, которая поглощает в себе и экономическую и физическую и вместе с тем не является ни географией неорганической природы, ни географией экономической жизни народов, а есть география вообще? Очевидно, что такой абстрактной географии не существует. Но было бы неправильно на этом основании заявлять, будто нет и *экономической* географии, а есть одна единственная география, под которой подразумевалась бы только физическая география. Было бы не менее неправильно, если бы экономисты-географы объявили, что никакой *физической* географии нет, и стали бы утверждать, будто у физических географов дело ограничивается только применением того же слова «география». Это было бы не решением вопроса, а отказом от его решения, хотя и под видом решения.

Думается, что со статистикой дело обстоит совершенно так же, как и с географией.

Подобных примеров можно привести немало. Это не локальный вопрос, касающийся только статистики, а общий вопрос: как быть с теми областями знания, где науки общественные и науки естественные соприкасаются, обнаруживая общие стороны у изучаемых ими закономерностей? Каждая наука исследует эти закономерности своими специфическими приемами, не смешивая закономерности одного рода с закономерностями другого рода; но при этом они исследуют теми же специфическими приемами также и те стороны, которые являются общими у закономерностей и общественных и природных процессов. Было бы странно отрицать наличие таких общих сторон, объективно существующих у закономерностей, действующих в различных областях мира. Например, уже общие понятия «закономерность», «закон» выражают общую сторону закономерной связи любых явлений, будь то явления природы или явления общественной жизни. Ведь не происходит же никакого смешения понятий общественной науки с понятиями естествознания, когда мы говорим, что законы общества столь же объективны и столь же познаваемы, как и законы природы, что их так же невозможно создавать, отменять, преобразовывать, как невозможно сделать это с законами природы. Тем самым мы отмечаем реально существующие *общие* черты у *всех* законов науки. Почему же недопустимо считать, что такой *общностью* могут обладать и некоторые более частные формы или типы закономерных связей, например *статистические* закономерности, которые в какой-то мере (задача конкретного исследования и состоит в том, чтобы установить — в какой именно мере) могут иметь общие черты или признаки, действуя в области как общественных, так и природных процессов? Если такие общие черты или признаки существуют *реально, объективно*, то их надо изучать, а не перечеркивать ради того, чтобы оградить себя и других от опасности смешать законы природы с законами общества.

Возражая против универсальной статистики, нельзя выдвигать такой довод: если под некоторое общее положение подходит все частное, то уже тем самым доказано, будто это общее положение неверно и поэтому никакая универсальная статистика существовать не может. При такой аргументации мы, под видом борьбы со смешением общественных явлений с

естественными, ополчились бы, в сущности, против самой категории *общего*, против самого факта существования общего, а потому и против возможности выделять однородное, отвлекаясь от индивидуальных различий.

Выходит, таким образом, что если какое-нибудь положение охватывает собой различные и даже любые («какие угодно») вещи, то тем самым это положение нужно считать неверным. Странная логика! Ведь тогда следовало бы отрицать понятие *закон*, ибо под него подходит «какая угодно» закономерная связь — и в физике и в биологии, и в капиталистическом обществе и в социалистическом. Пришлось бы отказаться от Гераклитова «всё течет» — на том ложном основании, что под это положение «подойдет все, что угодно». Ведь и под ленинское определение материи точно подходит всё объективно, реально существующее!

«Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях», — определяет В. И. Ленин¹. Ленинское определение охватывает собой все вещи, всю объективную действительность — и в этом его сила, но отнюдь не его слабость, ибо *общее* вскрывается здесь в соответствии с тем, что оно объективно существует в самих вещах и процессах как в природе, так и в обществе. Конечно, статистическая закономерность не столь широка, как вся объективная реальность, но она существует и в природе и в обществе, а потому для нее будет научным и правильным только то общее определение, которое охватит эту закономерность во всех ее проявлениях, везде, где она имеется. Неумно называть эту всеобщность признаком универсальной статистики. Признание общности статистических закономерностей и связанных с ними категорий отнюдь не означает признания какой-то единой, универсальной статистики. Вся беда универсальной статистики состоит в том, что она формулирует общие положения в полном отрыве от их специфических проявлений и, следовательно, в противоречии с тем общим, которое существует в действительности. Критикуя универсальную статистику, мы не должны цепляться за термины или за то, что под общие формулировки можно «подвести все, что угодно», а должны показать, что *таких абстрактно-общих закономерностей, оторванных от их специфических проявлений, от их своеобразной формы, не существует*. Но, к сожалению, такой постановки вопроса, даже ее тени, нет у тех, кто отрицает общие стороны у общественной и у физической статистики. К неменьшему сожалению, в этом вопросе иногда вместо доводов выдвигается декларация следующего рода: тот, кто станет на точку зрения признания каких-либо общих черт у статистических закономерностей в природе и в обществе, будет отлучен от «пролетарской» статистики и зачислен в представители «буржуазной» статистики.

Отказываясь называть статистику, применяемую в исследовании социально-экономических явлений, *общественной статистикой* и называя ее просто статистикой, обычно делают ссылки на труды классиков марксизма-ленинизма, в которых общественная статистика, *для краткости*, иногда именуется просто *статистикой*. Но может ли это обстоятельство служить основанием для отрицания существования других статистик, кроме социально-экономической, как особых статистических наук? Очевидно, что не может. В самом деле, вспомним, в каких именно работах Маркс, Энгельс и Ленин говорят о статистике. Они говорят о ней в своих экономических работах и вообще в работах, посвященных исследованию общественных явлений. Но им не приходилось — да и не было повода — специально касаться вопроса, является ли та статистика, о которой они говорят, какой-то единственной статистикой, как не было и повода спе-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 14, стр. 133.

циально отмечать, что кроме общественной статистики существуют еще иные статистики.

Кстати сказать, сами же сторонники «единственной» статистики обычно начинают свои рассуждения об общественной статистике ссылкой на то, что классики марксизма-ленинизма всегда придавали большое значение общественной статистике. При этом указывается, что Маркс, Энгельс и Ленин широко и разносторонне пользовались в своих трудах фактическим материалом буквально из всех отраслей общественной статистики. Следовательно, начинают с того, что данную статистику называют *общественной*, а затем, во избежание мнимой опасности смешать ее с математической статистикой, заявляют, что общественную статистику надо называть *статистикой вообще*, т. е. *единственной* статистикой. Но это — совершенно несостоятельное предложение. Надо принять формулировку, которую давал Ленин, ибо он имел в виду *общественную* статистику и совершенно ясно и прямо называл ее *общественной* статистикой. Так, В. И. Ленин совершенно четко писал: «Социальная статистика вообще, экономическая статистика в частности, сделала громадные успехи...»². Значит, Ленин говорил здесь именно о статистике *общественной*, а не вообще о статистике как о какой-то якобы единственной статистической науке.

Если же утверждают, будто Маркс, Энгельс и Ленин, говоря о статистике, считали или хотя бы имели в виду, что вообще существует только одна статистика, то необходимо привести соответствующие аргументы, из которых следовало бы, что классики марксизма-ленинизма хотя бы в одном месте действительно отрицали возможность иной статистики, кроме общественной. Таких аргументов никто из защитников «единственной» статистики до сих пор привести не смог. Но без таких аргументов нельзя приписывать классикам марксизма-ленинизма те взгляды, которые, хотя и удобны для защитников «единственной» статистики, в действительности отнюдь не разделялись ни Марксом, ни Энгельсом, ни Лениным. Нельзя, ссылаясь на слово «статистика», которое В. И. Ленин употребляет иногда без прилагательного «социальная», утверждать, будто Ленин признавал только одну-единственную статистику. Это не только не является серьезным аргументом, а, наоборот, свидетельствует об отсутствии серьезных аргументов у защитников критикуемой точки зрения, раз уж им приходится прибегать к такому «филологическому аргументу».

Признав существование общественной статистики как общественной науки, мы должны с равным основанием признать де-юре и де-факто существование других статистик, — таких, например, как физическая статистика³.

С этих позиций однозначно решается и давнишний спор о том, имеется ли у статистики свой особый *предмет* или статистика — это только *метод* исследования. Каждая статистика есть наука, а потому ее метод

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 391.

³ При выработке и принятии резолюции большинством участников Научного совещания по вопросам статистики (март 1954 г.) вынесло постановление именовать социально-экономическую статистику просто «статистикой», как если бы это была одна-единственная статистика. Несмотря на это постановление, продолжают благополучно существовать и успешно развиваться другие статистики — в области физики, математики, биологии, техники, медицины и т. д., ибо никакими резолюциями и переименованиями нельзя навязать науке то, что ей не свойственно и что противоречит самой действительности. Истекшие после Совещания семь с лишним лет наглядно свидетельствуют еще раз, что истина в науке устанавливается не голосованием и что нельзя решать спорные научные вопросы большинством голосов. Истина не есть чье-то мнение и вообще не есть субъективное положение, а есть соответствие наших представлений объективной действительности. Поэтому истина — рано или поздно — всегда побеждает и утверждается в науке.

(статистический) существует в нераздельном единстве с предметом ее исследования и определяется этим предметом. Вот почему, в частности, существует не вообще статистика, а статистика социальная как подлинная наука, метод которой (статистический) существует в единстве с предметом ее исследования — социально-экономическими отношениями. Вот почему отдельно от нее существует другая статистическая наука — статистика физическая, метод которой (статистический) неразрывно связан с соответствующим предметом — физическим коллективом, качественно, т. е. коренным образом, отличным от предмета общественной статистики.

Итак, надо признать следующее: во-первых, никакой универсальной статистики нет; во-вторых, та статистика, которая применяется при исследовании общественных явлений, есть наука общественная, социальная. Отсюда возникает необходимость конкретно рассмотреть взаимоотношение общественной статистики с другими статистиками, в числе их — математической, технической, физической и даже астрономической. Рассмотреть это надо обстоятельно, серьезно, с тем чтобы это был действительно научный разбор вопроса о том, как соприкасаются в области статистики качественно различные объекты исследования. К сожалению, при определении предмета общественной статистики этот принципиальный вопрос большой важности часто не рассматривают вовсе, тогда как большое внимание уделяют гораздо более частным, узко практическим вопросам — таким, как, например, вопрос о взаимоотношении статистики, бухгалтерского учета и оперативного учета.

Возникает также вопрос методологического характера: какова та конкретная *общефилософская* основа всех проблем любой статистики, над решением которых ученые работают в разных областях науки? Существуют ли такие *общефилософские* вопросы у разных статистик, которые, если не роднят их между собой, то приводят одни из них в соприкосновение с другими, вызывая необходимость научного контакта между экономистами, техниками, физиками, биологами, философами, а также представителями других отраслей знания, занимающимися вопросами статистики? Ответ на это дается в следующем разделе нашей работы.

2. О СООТНОШЕНИИ СЛУЧАЙНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ В СТАТИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Основная *общефилософская* проблема каждой статистики — проблема *случайности и необходимости*, которая касается любых явлений природы и общества.

Не следует думать, что эта проблема непосредственно и прямо связана со всеми общими проблемами статистики. Конечно, у статистики есть свои специфические особенности; но вопрос о случайности и необходимости — это коренная философская проблема, стоящая перед статистикой в любой области научного исследования. Объясняется это тем, что в любой статистике речь идет о выявлении *законов* изучаемых явлений (в этом и состоит задача любой науки), то есть о познании закономерностей определенного рода — *статистических закономерностей*.

Когда физик имеет дело со строго динамической закономерностью, в случае которой причина и следствие равны друг другу и однозначно определяют друг друга, то никакого статистического исследования он не проводит: раз определена причина явления, то следствие (или действие) определяется из однозначного решения задачи. Но это только один род закономерностей, действующих в объективном мире.